

ОТ АВТОРА

Иосиф Бродский неоднократно говорил, что Анна Ахматова во многом определила его становление как человека, но ее поэзия очень мало повлияла на его стихи. Не опровергая первое утверждение, в этой книге я попытаюсь показать, что поэтическое влияние было и было важным. Оно лежит не на поверхности, но если присмотреться, то можно увидеть, что некоторые несущественные черты поэтики Бродского отражают и развивают то, что принесла в русскую поэзию Ахматова.

Эта книга не носит биографического характера. Она не столько о жизнях, сколько о стихах, хотя некоторые пересечения между ними неизбежны. Читателю, который интересуется прежде всего подробностями жизни Ахматовой и Бродского, я советую сначала прочесть книги, перечисленные ниже.

Биография Ахматовой достаточно хорошо изучена. О последних годах ее жизни, когда и состоялось их знакомство с Бродским, подробно написал Роман Давидович Тименчик¹, чья книга содержит скрупулезный анализ жизненного и творческого пути Ахматовой с обширными справочными материалами, раскрывающими контекст эпохи и рассказывающими о людях, окружавших поэта.

С творческой биографией Бродского дело обстоит несколько сложнее, серьезное ее изучение еще только предстоит — после открытия архивных материалов и возможности издания академического собрания сочинений, — хотя существенные шаги в этом направлении уже сделаны.

Огромная работа проделана Валентиной Платоновной Полухиной, собравшей три книги интервью с друзьями и современниками Бродского², а также написавшей первую монографию о нем «Иосиф Бродский: поэт для нашего времени» (на английском языке)³ и целый ряд статей, значительная часть которых вошла в сборник «Больше самого себя»⁴.

В замечательной книге Льва Владимировича Лосева о литературной биографии Бродского⁵ глава «Знакомство с Ахматовой» занимает всего несколько страниц, и хотя имя автора «Реквиема» и «Поэмы без героя» неоднократно

появляется в других главах, основной вывод автора заключается в том, что, собственно, поэтическое влияние Ахматовой на Бродского было минимальным.

В этом смысле я оказываюсь в сложном положении, поскольку мои наблюдения могут расходиться с утверждениями самого Бродского, некоторые из них вы прочтете на страницах этой книги. Но нужно помнить, что он говорил об Ахматовой: «На всех нас, как некий душевный загар, что ли, лежит отсвет этого сердца, этого ума, этой нравственной силы и этой необычайной щедрости, от нее исходивших. Мы не за похвалой к ней шли, не за литературным признанием или там за одобрением наших опусов. Не все из нас, по крайней мере. Мы шли к ней, потому что она наши души приводила в движение, потому что в ее присутствии ты как бы отказывался от себя — от того душевного, духовного — да не знаю уж как там это называется — уровня, на котором находился — от «языка», которым ты говорил с действительностью, в пользу «языка», которым пользовалась она»⁶.

Утверждение Бродского можно понимать по-разному. Лосев делает из него определенный вывод: «Это проникновенное и темпераментное высказывание, кажется, исчерпывает тему «Ахматова—Бродский». Кажется, что литературоведу здесь делать нечего. Литературоведение, по крайней мере, то, в канонах которого мы воспитывались, познает литературные связи именно через анализ стихосложения. Оно не знает понятий «душа», «душевное», «духовное»⁷.

Это сильное высказывание, однако, оно не до конца справедливо даже в категориях того традиционного литературоведения, которое имеет в виду Лосев. А за пределами изолированного подхода, на пересечении литературоведения, стилистики, когнитивной поэтики, разговор об Ахматовой и Бродском только начинается и обещает быть развернутым и интересным — я в меру сил включаюсь в него на этих страницах.

И начать этот разговор представляется необходимым еще и потому, что все чаще звучит мнение о поэзии Бродского как о совершенно чуждой ахматовской традиции и противопоставленной ей. Приведу лишь один пример. Известный литературный критик Владимир Новиков пишет: «Трудно вообразить художественную систему наиболее чуждую и даже враждебную Ахматовой, чем поэтика позднего Бродского. И это абсолютно

нормально, ибо в эстетических высях нет места человеческим симпатиям, чистое вещество творчества есть борьба»⁸. За этим высказыванием — недостаточное внимание к поэтическому языку, к материи стиха, сведение поэзии к сумме тем и мотивов. Ниже я постараюсь показать, почему это не так и почему художественная система Бродского не чужда и не враждебна поэзии Ахматовой, а несет в себе отпечаток ее поэтического языка.

В этом смысле мне близка позиция историка, писателя и редактора Якова Гордина, который в беседе с Валентиной Полухиной, отвечая на вопрос, с кем из поэтов может быть сопоставлен Бродский, сказал: «Я думаю, тут два момента. Если уходить далеко назад, то, скорее всего, Баратынский, а ближе — Ахматова. Я думаю, что проблема взаимоотношений „Бродский и Ахматова“ имеет большую перспективу для исследователей»⁹.

Такого же мнения придерживается один из друзей Бродского, поэт Томас Венцлова: «Внимательное исследование наверняка обнаружит многие ссылки на Ахматову и переключки с ней во всем корпусе творчества Бродского»¹⁰.

Основная идея этой книги может быть сформулирована так: точно так же, как невозможно представить Бродского в качестве «ученика» Ахматовой, невозможно и вычесть влияние Ахматовой из его поэтики, которая построена как сложная интерференция различных «источников света» (как он обозначил это в Нобелевской лекции). Я всего лишь пытаюсь выделить в этом поэтическом спектре диапазон волн, связанных с Ахматовой. Насколько это удастся — судить читателю.

Как было сказано, в центре книги — разговор о стихах. Разумеется, жизненные события причудливо преломляются сквозь призму поэтических строк, становясь фактами уже не просто биографии, а литературной биографии. Поэтому читатель вряд ли найдет здесь неизвестные ранее подробности жизни и дружбы двух поэтов (хотя, говоря о стихах, я опираюсь на широкий круг биографических источников) или психологический анализ их отношений. Работы такого рода существуют и, безусловно, интересны, но меня прежде всего интересует то взаимодействие поэтических текстов, которое лучше всего определила сама Ахматова в стихотворении, посвященном Борису Пастернаку:

Чудится мне на воздушных путях.
Двух голосов переключка.

Эту переключку поэтических голосов и их взаимодействие, которые составляют суть поэзии, я и рассматриваю.

Как во всяком разговоре о стихах, в этой книге заходит речь об особенностях поэтического языка, специфике стиля и жанра. И тут невозможно обойтись без ряда поэтических и лингвистических терминов. В их использовании я старался придерживаться простого правила — я не поясняю то, что включено в школьную программу по литературе и стараюсь говорить о стихах, не выходя за ее рамки. Когда же по необходимости использую что-то сверх стандартного набора терминов, даю краткие пояснения. Таким образом, я не останавливаюсь на том, что такое, например, метонимия или амфибрахий. Когда же мне потребуется сказать несколько слов о хиазме или шибболете, я дам необходимые определения и пояснения.

Хотя в книге есть сквозной сюжет, ее главы вполне могут быть прочитаны отдельно, в зависимости от интересов и степени подготовленности читателя. Одни из них больше похожи на биографический очерк, в центре других — анализ и интерпретация стихов. Введение посвящено обзору взглядов на взаимоотношения поэзии Бродского и Ахматовой. В первой главе дан очерк творческой биографии Ахматовой, не претендующий на полноту, но подсвечивающий важные моменты ее жизни и работы, существенные для разговора о двух поэтах. Вторая глава посвящена первым шагам Бродского в поэзии и его знакомству с Ахматовой. Основная тема третьей главы — поэтические посвящения Бродского Ахматовой и ее реакция на его стихи. Четвертая глава начинает разговор о влиянии Ахматовой на формирование поэтики Бродского и его отношения к собственной литературной биографии. Значительное место в ней отведено рассказу о двух стихотворениях Бродского: «На смерть Роберта Фроста» и «Сретенье». Пятая глава носит монографический характер и посвящена анализу стихотворения Бродского «Декабрь во Флоренции». В шестой главе речь идет о важной особенности поэтического языка Ахматовой, усвоенной и продолженной Бродским. Седьмая глава представляет собой разговор о стихотворении Бродского «На столетие Анны Ахматовой».

В приложении представлены стихи, о которых идет речь в этой книге, а также эссе Бродского об Ахматовой «Муза плача», к которому я неоднократно обращаюсь на протяжении

книги. Эссе написано по-английски, здесь оно дано в авторизованном переводе Марины Темкиной, которой я искренне благодарен за разрешение включить его в книгу.

Стихи Иосифа Бродского, если нет других указаний, цитируются по самому текстологически выверенному на данный момент изданию: *Бродский И. А. Стихотворения и поэмы*. В 2 т. СПб.: Лениздат, 2017. Эссе и стихи, отсутствующие в данном издании, цитируются по семитомному собранию сочинений: *Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского*. В 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001.

Стихи и проза Анны Ахматовой, если нет других указаний, цитируются по изданию: *Ахматова А. А. Собрание сочинений*. В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2002.

Большинство глав этой книги основаны на исследованиях поэтики Бродского, которыми я занимался на протяжении многих лет и которые не были бы возможны без помощи моих коллег и друзей. За идеи, уточнения, справки и комментарии я благодарен Константину Марковичу Азадовскому, Елене Архиповой, Якову Аркадьевичу Гордину, Алексею Гринбауму, Людмиле Владимировне Зубовой, Ирине Геннадиевне Ивановой, Захару Ишову, Наталье Карагеоргос, Эльмире Катилене, Рамунасу Катилюсу, Павлу Анатольевичу Клубкову, Ксении Ключевой, Олегу Лекманову, Валентине Платоновне Полухиной, Нине Ивановне Поповой, Роману Давидовичу Тименчику, Маргарет Фриман, Марианне Михайловне Шахнович, Энн Шеллберг.

Отдельная благодарность за предложение написать о Бродском и Ахматовой, содействие и терпение редакторам этой книги Ольге Ро и Елизавете Рябининой.

И, конечно, я благодарен за помощь и поддержку на протяжении всей работы над книгой моей жене Екатерине Кузнецовой.

ВВЕДЕНИЕ ОБЩЕЕ ЧУВСТВО ЖИЗНИ

Невозможность такого соседства. — Стопроцентный цветовец. — Ахматовская выучка. — «Не думаю, что она оказала на меня влияние...» — Состав крови. — Опыт восприятия прекрасного. — «Когда б вы знали, из какого сора...» — Неизбежность случайного.

Мнение об отсутствии поэтического влияния Ахматовой на Бродского общепринято: «Каждому, кто ставит рядом эти два имени, несомненно, бросается в глаза невозможность такого соседства (соединения, родства) по признаку поэтическому»¹¹.

Сходную мысль высказывает Владимир Уфлянд: «Иосиф и Анна Андреевна совершенно разные поэты. Мало того, что разных поколений, но разных просто направлений. Разные даже способы письма. А что-то такое, может быть, в мировосприятии есть общее. И если проводить линию от Анны Андреевны к Иосифу, то это скорее духовная связь, а не поэтическая. Конечно, можно при желании найти какие-то влияния и какие-то переклички, скрытые цитаты, парафразы, но не это главное»¹².

Однако многие современники и друзья Бродского признают наличие поэтической связи. Так, Михаил Мейлах замечал: «Ахматова, по-моему, сильнее влияла на него своей личностью, чем стихами. И все-таки от петербургской поэзии Бродский очень многое взял, например, суггестивность, ориентированность на конкретность и т. д.»¹³.

Евгений Рейн, друг Бродского и один из участников того «волшебного купола» молодых поэтов, который сложился вокруг Ахматовой, так ответил на вопрос Валентины Полухиной о связи поэзии Бродского с Ахматовой: «Это довольно сложный

вопрос. Сложный и коварный. Я думаю, что они не правы в том смысле, что, конечно же, отразилось, но у Бродского нет прямой стилистической связи с Ахматовой. Влияние Ахматовой прослеживается в очень важных вещах, но утопленных куда-то во второй ряд: в каком-то культурном слое, в каком-то нравственном отношении, в цене слова, в психологизме»¹⁴.

Позже Рейн был более категоричен: «Странным образом я в этой компании оказался единственный поэтический наследник Ахматовой. Потому что Бродский от нее стилистически абсолютно далек — стопроцентный цветаевец»¹⁵.

Виктор Кривулин замечает: «Огромное влияние на всех на нас оказывала манера поведения Ахматовой. Бродский просто, я видел это, учился вести себя так, как ведут себя великие поэты. И в этом смысле, конечно, Ахматова передала ему традицию жестикляторной метафоры <...> Я видел, что Бродский следил за тем, как Ахматова произносила слова, переводила любую житейскую ситуацию в план речевой и в план поэтический за счет артикуляционной метафоры, за счет жеста, который становился словом»¹⁶.

Юрий Кублановский: «Ахматова скорее сформировала и дисциплинировала его как личность, стала каким-то в этом смысле для нее образцом. В поэзии у Бродского есть прямые или, скорее, косвенные связи с Ахматовой, может быть, за счет какого-то незримого присутствия у раннего Бродского ленинградского антуража, столь значительную роль играющего именно у Ахматовой. Это единственное, думаю, что их роднит»¹⁷.

Валентина Полухина, регулярно задававшая вопрос об Ахматовой в интервью с упомянутыми и другими поэтами, в целом придерживается той же точки зрения, хотя и отмечает некоторые общие черты поэтики двух авторов, подчеркивая в одном случае преемственность Бродского по отношению к Ахматовой: «Введение фрагментов прямой речи в стих — ахматовская выучка»¹⁸.

Лев Лосев, говоря об отсутствии существенного поэтического влияния Ахматовой на Бродского, замечает: «Последние несколько лет я занимался составлением довольно подробного комментария к стихотворениям Бродского, и у меня сложилось впечатление, что переключки с Ахматовой у Бродского не так уж часты — помимо группы ранних и двух стихотворений зрелого периода („Сретенье“ и „На столетие Анны Ахматовой“),

посвященных Ахматовой, полузакрытые цитаты и намеки на ахматовские тексты можно отметить еще всего в двенадцати стихотворениях („Дидона и Эней“, „Пень без музыки“, „Натюрморт“, „Похороны Бобо“, „Двадцать сонетов к Марии Стюарт“ (Сонет XVIII), „...и при слове „грядущее“ из русского языка“, „Декабрь во Флоренции“, „Помнишь свалку вещей на железном стуле...“, „Келломяки“, „Я входил вместо дикого зверя в клетку...“, „Жизнь в рассеянном свете“, „В Италии“), в некоторых из них не без сомнения»¹⁹.

О «Сретенье», «Декабре во Флоренции», «Келломяках» и стихотворении «На столетие Анны Ахматовой» будет отдельный разговор, в остальных же перечисленных текстах Лосев отмечает не особенности поэтики, а подтексты из конкретных стихотворений Ахматовой или тематическую связь.

Так, «Дидона и Эней», по его мнению, тематически связана с циклом Ахматовой «Шиповник цветет»²⁰, с ним же связан образ воображаемой встречи в небесах взглядов разлученных любовников в «Пень без музыки»²¹. «Натюрморт» «состоит из 10 частей с неожиданной голгофской сценой в заключительной части, т. е. в этом отношении повторяет структуру «Реквиема» Ахматовой»²². Мотив пустоты в стихотворении Бродского «Похороны Бобо» Лосев связывает с «Поэмой без героя»²³, строчка из «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» «язык, что крыса копошится в соре» является реминисценцией знаменитого «Когда б вы знали, из какого сора...».

В стихотворении из цикла «Часть речи» Бродский пишет: «безразлично, что / или кто стоит у окна за шторой», и комментатор усматривает здесь отсылку к «Бесам» Достоевского через «Поэму без героя»²⁴ у Ахматовой. «Или правда там кто-то снова / Между печкой и шкафом стоит», отсылая к сцене самоубийства Кириллова в «Бесах»: «в углу, образованном стеной и шкафом, стоял Кириллов». Следует заметить, что если у Ахматовой подтекст из Достоевского очевиден, у Бродского, с учетом сквозного для «Части речи» мотива безумия, также очевидна отсылка к «Гамлету», к знаменитой сцене, когда Полоний прячется за шторой, а Гамлет с криком «крыса» протыкает штору шпагой, убивая Полония (особенно с учетом мышей, с упоминания о которых начинается стихотворение Бродского).

В стихотворении «Помнишь свалку вещей на железном стуле...» присутствует эпитафия из Ахматовой, в финале

стихотворения «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» («но пока мне рот не забили глиной, / из него будет раздаваться лишь благодарность») есть «прямой отголосок «Поэмы без героя»:

И со мною моя «Седьмая»,
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухою землей набит.

«Жизнь в рассеянном свете» парафразирует стихотворение «А где-то есть простая жизнь и свет». У Бродского «еле слышный / голос, принадлежащий музе», у Ахматовой — «И голос музы еле слышный»²⁵. Сходным образом в стихотворении «В Италии» перефразируется ахматовская «Венеция»: поэтическое определение Венеции «золотая голубятня у воды» становится у Бродского определением «лучшая в мире лагуна с золотой голубятней», что также отмечено комментатором.

Казалось бы, список действительно невелик, даже если добавить в него несколько пропущенных Лосевым стихотворений с ахматовскими аллюзиями, таких, как «Прощальная ода», о которой я скажу в одной из глав (и которую Лосев, видимо, относит к ранним стихотворениям) или «Развивая Платона».

Надо сказать, что сам поэт был еще более лаконичен. «Отвечая на вопросы сотрудницы музея Ахматовой О. Е. Рубинчик, Бродский писал: «Стихи, в которых «присутствует А. А. А., следующие: «Сретенье» (sic!) и «В Италии». Наверное, есть еще, но в данную минуту в голову ничего не приходит (что, естественно, ничего не значит). Из перечисленных Вами «Anno Domini» с А. А. А. не связано, да и Флоренция, впрочем, тоже. Есть целый ряд стихов, непосредственно ей посвященных, среди ранних, написанных на ее дни рождения, но я не могу вспомнить первых строк сию секунду»²⁶.

Но дело не в количестве прямых отсылок к стихам. Если руководствоваться таким принципом, то придется признать, что и переключки с Цветаевой, поэтическое влияние которой Бродский всегда подчеркивал, у него «не так уж часты». Дело в гораздо более фундаментальной внутренней связи,

определяющей глубинные качества поэтического языка, которые зачастую не так очевидны на поверхностном уровне конкретного стихотворения.

Благодаря двум таким авторитетным исследователям, как Лосев и Полухина, которые лично были хорошо знакомым с Бродским, принято считать, что на уровне поэтики стихи Бродского и Ахматовой связаны слабо, если вообще как-то связаны. Ситуацию часто иллюстрируют цитатами из обоих. «Вам мои стихи нравиться не могут», — констатирует Ахматова в беседе с Бродским; «Это не та поэзия, которая меня интересует», — замечает тот позднее. Да и сам Бродский последовательно отрицал возможное поэтическое влияние, в то же время подчеркивая всякий раз, когда заходила речь об Ахматовой, влияние человеческое.

«Она большой поэт и очень хороший друг. Не думаю, что она оказала на меня влияние. Она просто великий человек»²⁷, — говорит Бродский в одном из первых интервью, данных после эмиграции.

Но ситуация не так однозначна. В более позднем интервью Бригитт Файт он высказывается несколько по-другому. Интервьюер напоминает Бродскому о его словах — «Вы, в принципе, достаточно ясно сказали, что она произвела на вас впечатление больше как человек, чем своими стихами». Поэт отвечает: «Вы знаете, это все-таки не совсем правильная перифраза того, что я отвечал Волкову, — это интервью о интервью. Такой Шекспир получается. Дело в том, что невозможно говорить о впечатлении, которое поэт оказывает или не оказывает на вас своими стихами. Что касается Ахматовой, произошла простая история: эти стихи — грубо говоря — вошли в меня, то есть они — часть моего сознания, и не только часть сознания, но как бы часть моего метрического мироощущения, метрического ощущения в поэзии. Сказать, что она на меня не оказала влияния, или сказать, что она оказала влияние — это не сказать ничего. То, что создано до тебя, и то, что ты читаешь, — ты как бы это вбираешь. И нравится тебе это или не нравится — в случае Ахматовой мне это чрезвычайно нравилось, очень многое — это становится частью тебя, в известной степени входит в состав твоей крови»²⁸.

А в беседе с Джоном Глэдом, в ответ на просьбу рассказать об Ахматовой, он говорит: «Это долго и это сложно. Об этом надо либо километрами, либо совсем ничего. Для меня это чрезвычайно трудно, потому что я совершенно не в состоянии

ее объективировать, то есть выделять из своего сознания; скажем так, вот вам Ахматова, и я о ней рассказываю. Может быть, я преувеличиваю, но люди, с которыми вы сталкиваетесь, становятся частью вашего сознания, людей, с которыми вы встречаетесь, как это ни жестоко звучит, вы как бы в себя «вбираете», они становятся вами. Поэтому, рассказывая об Ахматовой, я в конечном счете говорю о себе. Все, что я делаю, что пишу, — это, в конечном счете, и есть рассказ об Ахматовой»²⁹.

При поверхностном взгляде на стихи Ахматовой и Бродского кажется, что перед нами действительно два принципиально различающихся поэтических подхода. Для поэзии Ахматовой, как принято считать, характерны лаконизм, пристрастие к малым формам, ориентация на психологическую прозу и сравнительно небольшое количество метафор. Бродский обычно ассоциируется с «большими стихотворениями». Для его текстов характерны развернутые синтаксические конструкции, перетекающие из строки в строку и даже из строфы в строфу, обилие оригинальных метафор и построение большого стихотворения на развертывании последовательных метафорических рядов.

Кажется, что в этом смысле Бродский прав, когда формулирует принципиальное отличие собственной поэзии от поэзии Ахматовой. Однако пристальный взгляд на их стихи позволяет увидеть за этими существенными различиями некоторую глубинную связь — сначала неуловимую, затем выстраивающуюся в определенные ряды сходств и подобий. Причем чем более зрелой и непохожей ни на кого другого становится со временем поэзия Бродского, тем отчетливее звучат в ней эти фоновые ноты ахматовской поэтики. Разумеется, они существуют на фоне иногда более мощных мотивов — Цветаевой, Мандельштама, Фроста, Одена, других поэтов³⁰ — и иногда затеваются ими, но при этом никогда не теряются и отчетливо прослеживаются сквозь десятилетия поэтического творчества Бродского. О некоторых из этих рядов я постараюсь сказать чуть более подробно.

Однако сначала стоит отметить, что сходство художественных миров Бродского и Ахматовой на широком тематическом уровне уже отмечали. Так, Дмитрий Лакербай пишет, правда, с понятной оговоркой: «Явно восходят к Ахматовой (в том числе и к Ахматовой) темы времени, памяти, культуры, внимание к классическим поэтическим формам»³¹. Подобное тематическое сходство не должно вводить нас в заблуждение — в конце

концов, кто из поэтов не обращался к темам памяти и культуры, а внимание к классическим поэтическим формам свойственно целым поэтическим школам и поколениям поэтов. Однако, если чуть более детализировать это наблюдение, можно увидеть, что у Бродского и Ахматовой есть общее для них обоих и частное, по сравнению со многими другими поэтами, поле притяжения, связанное с этими темами.

И Ахматова, и Бродский отчетливо знали, что, хотя «опыт восприятия прекрасного обостряет в нас общее чувство жизни», как превосходно суммировал один из крупнейших философов XX века Ганс-Георг Гадамер положения кантовской «Критики практического разума»³², само это чувство жизни оказывается глубоко первичным и диктует поэту, как именно прекрасное воспринимать.

Хорошо известно многократно цитируемое определение Ахматовой, выводящее поэзию из этого общего чувства жизни:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Часто оно понимается ошибочно — как оправдание для поэта, который обращается к частным и незначимым темам, — но для Ахматовой таким *сором* становятся события единственной и неповторимой человеческой жизни. Борис Эйхенбаум уже в 1923 году сформулировал эту особенность творчества Ахматовой в целом: «Перед нами конкретные человеческие чувства, конкретная жизнь души, которая томится, радуется, печалится, негодует, ужасается, молится, просит и т. д. От стихотворения к стихотворению — точно от дня к дню. Стихи эти связываются в нашем воображении воедино, порождают образ живого человека, который каждое свое новое чувство, каждое новое событие своей жизни отмечает записью. Никаких особых тем, никаких отделов и циклов нет — перед нами как будто сплошная автобиография, сплошной дневник»³³.

В поздней лирике Ахматовой появляются и тематизация, и циклизация, но вот это ощущение дневника, размышления над простыми событиями жизни — сохраняется. Конечно, сор Ахматовой — это не мусор и грязь. Здесь и пушкинский

фламандской школы пестрый сор, и известная поэтическая декларация Иннокентия Анненского:

И в мокром асфальте поэт
Захочет, так счастье находит.

В поэзии, как и в жизни, граница между высоким и низким неуловима, а любая попытка говорить только о возвышенном — неестественна. «Я не понимаю этих больших слов — „поэт“, „бильярд“», — иронически говорила Ахматова в таких случаях, как вспоминают многие ее собеседники.

Вяч. Вс. Иванов пишет: «Ахматову занимал тот сор, из которого растут стихи („Когда б вы знали...“). Она говорила, что поэзия вырастает из таких обыденных речений, как „Не хотите ли чаю?“. И из них нужно сделать стихи. В этом для нее было и чудо поэзии, и невыносимые трудности сочинения стихов»³⁴. Вот оно — то «введение фрагментов прямой речи в стих», о котором говорила В. Н. Полухина в приведенной выше цитате.

И Ахматовой, и Бродскому была близка позиция Стендаля, считавшего, что роль писателя — отражать в равной мере и возвышенное, и обыденное. В «Красном и черном» Стендаль писал: «Роман — это зеркало, с которым идешь по большой дороге. То оно отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы. Идет человек, взвалив на себя это зеркало, а вы этого человека обвиняете в безнравственности! Его зеркало отражает грязь, а вы обвиняете зеркало!»³⁵

Бродский, кстати, вспоминает это выражение в стихотворении «Сидя в тени»:

...дети смотрят в ту даль,
куда, точно грош в горсти,
зеркало, что Стендаль
брал с собой, не внести.

Эти строки — о смерти, но и о победе творчества, о том, что стендалевское зеркало, которым пользуется поэт (а «Сидя в тени» — прекрасная иллюстрация к приведенной цитате из «Красного и черного»), предмет временный, а в перспективе будущего случайные черты оказываются стерты. Об этом следующие строки стихотворения Бродского: